

глубокое изъ всѣхъ чувствъ Гюго, — внушило ему много неуважимо-прелестныхъ стихотвореній — но даже оно вырождается иногда въ дѣланную наивность, въ искусственный лепетъ à la bébé (напр. во многихъ мѣстахъ „l'Art d'être grand-père“).

В. Гюго очень много говоритъ объ идеяхъ, поклоняется великимъ умамъ и высокимъ истинамъ; на самомъ дѣлѣ у него мало идей, мало любви къ нимъ самимъ и къ ихъ носителямъ. Въ цѣлой книгѣ о Шекспирѣ нѣтъ ни слова о психологій и философіи Шекспира, въ цѣлой статьѣ о Мирабо — ни слова о взглядахъ Мирабо на политическое устройство Франціи. Въ безконечныхъ номенклатурахъ, къ которымъ Гюго питаетъ такую слабость, крайне рѣдко встрѣчаются имена философовъ, историковъ — и встрѣчаются, болѣею частью, только тогда, когда этого требуетъ риѳъ. Научное движеніе вѣка ему чуждо; о Дарвинѣ, напримѣръ, онъ упоминаетъ только однажды, въ плоско-шугливомъ тонѣ. Онъ считаетъ себя поэтомъ-апостоломъ или пророкомъ, пастыремъ душъ, руководителемъ народовъ — но, въ сущности, имъ всегда руководятъ другіе, и онъ проповѣдуетъ, заднимъ числомъ, идеи, давно сдѣлавшіяся достояніемъ всѣхъ и каждаго. Во время реставраціи онъ слѣдуетъ за Шатобрианомъ, послѣ іюльской революціи усваиваетъ себѣ взгляды „Globe“ (газеты, процвѣтавшей въ эпоху борьбы противъ Виллеля), въ концѣ царствованія Людовика-Филиппа повторяетъ зады тридцатыхъ годовъ, въ 1848 г. держится еще консервативныхъ воззрѣній, становится радикаломъ только въ 1849, анти-клерикаломъ — только въ 1850 г., возобновляя кампанію, пять лѣтъ тому назадъ веденную Мишлѣ и Кинѣ. Республиканецъ — послѣ Ламартина, социалистъ — послѣ Пьера Леру, отчасти пантеистъ — послѣ Жана Рейно, онъ останавливается, наконецъ, на одномъ пунктѣ — и воображаетъ себѣ, совершенно чистосердечно, что всегда служилъ поздно избранному знамени. Его образъ мыслей — явленіе отраженное (не даромъ же онъ самъ говоритъ: „tout fait reluire et vibrer mon âme de cristal“) и, слѣдовательно, поверхностное. Отсутствующую глубину замѣняетъ торжественность тона, замѣняютъ восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: „o profondeur! o sombre aile invisible!“, или вереница громкихъ словъ: „justice, amour, foi, raison, beauté, progrès, idéal, liberté“. Чтò понимаетъ Гюго подъ этими прекрасными, но не особенно опредѣленными словами — это остается неизвѣстнымъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ привлекательнымъ казался самый ихъ звукъ; ихъ принимали за вѣбу, не доискиваясь настоящаго ихъ смысла; возможность противоположныхъ толкованій не сознавалась еще такъ ясно, какъ